
Обряды некрещеных вотяков Елабужскаго уѣзда при погребеніи и поминовеніи умершихъ.

У вотяковъ, какъ и у всѣхъ языческихъ народовъ, существуетъ культъ умершихъ. Умершіе, по понятіямъ вотяковъ, живутъ въ загробномъ мірѣ въ такихъ же въ общемъ условіяхъ, въ какихъ жили на землѣ. Связь ихъ съ оставшимися въ живыхъ родственниками не прерывается, а принимаетъ только нѣсколько своеобразный характеръ. По смерти человѣкъ получаетъ большую силу и власть надъ живыми людьми: онъ можетъ наслать болѣзнь на нихъ и на ихъ скотину, наказать неурожаемъ и т. п. Чтобы избавиться отъ такихъ напастей, вотякъ время-отъ-времени кормитъ умершихъ (въ этомъ только и состоитъ поминовеніе) и тѣмъ задабриваетъ ихъ; тогда они смѣняють гнѣвъ на милость и не прочь бывають облагодѣтельствовать здоровьемъ и богатствомъ тѣхъ своихъ родственниковъ, которые угощаютъ ихъ. Впрочемъ, не велика у вотяка надежда на благосклонность къ нему умершаго, а потому онъ считаетъ за лучшее такъ поставить дѣло, чтобы покойникъ не нашелъ къ нему дороги; таковъ смыслъ нѣкоторыхъ обрядовъ при выносѣ

покойника изъ дома. Вообще вотякъ умершихъ ставитъ, кажется, на одну доску съ шайтанами. Такъ напр. обувая покойника въ лапти, вотяки, противъ обыкновенія, не перекрещиваютъ веревко въпереди ногъ и говорятъ, что дѣлаютъ такъ «на шайтанскую форму.» При поминовеніи покойниковъ строго запрещается говорить: «*осто, козма*» — обычное выраженіе въ вотскихъ молитвахъ, которое крайне не любятъ и злые духи.¹⁾ Характерно, наконецъ, въ данномъ отношеніи, сопоставленіе словъ *шай* (кладбище), *шай-гу* (могила), *шай-пул* (гробовая доска), *шайтан* (злой духъ), очевидно, происходящихъ отъ одного корня. Обычай «поминать», т. е. кормить стариковъ, нисколько не противорѣчитъ вышеприведенному мнѣнію: кормятъ же вотяки и *сіисъ — юисъ'евъ*,²⁾ которые несомнѣнно суть злые духи.

Лишь только вотякъ помретъ, родственники его всѣми мѣрами начинаютъ заботиться, чтобы спровадить его скорѣе въ могилу; одинъ обряжаетъ его, другой наскоро сколачиваетъ гробъ, сосѣди копаютъ могилу, ни мало не заботясь о указанной закономъ глубинѣ ея. Пока покойникъ въ дому, никто изъ мужчинъ того дома не занимается обычными работами. Если, при всей своей торопливости, не успѣютъ схоронить покойника до ночи, его оставляютъ въ дому на почъ и всю ту ночь не спятъ. Хозяйка печетъ яйца и колобки, и ими въ первый разъ поминуютъ умершаго³⁾. Домашнія вотскія номинки (*кисътон*) всегда устраиваются такимъ образомъ. На стоящее у порога корытце, изъ котораго обыкновенно кормятъ собакъ, ставятъ зажженную восковую свѣчу. Старшій изъ мужиковъ подхо-

¹⁾ Вятск. Еп. Вѣд. за 1894 г. № 20. Стр. 651.

²⁾ Тамъ же, стр. 650.

³⁾ *Поминать умершихъ по-вотски буря ваими пересъосыз.* Однажды только мнѣ привелось услышать отъ вотяка характерное выраженіе: „*восяськиз атаезлы, анаезлы*“ — помолился о въ своимъ (умершимъ) отцу и матери.

дять къ корыту, льетъ въ него кумышки и пива, бросить хлѣба, яицъ и т. п., при чемъ обращается къ умершимъ съ такою рѣчью:

Чэкэ, пересъос, сіелэ, азяд   На-те, старики, ¹⁾ ѣшьте,
мед усез. Эн кыжты-мыжты.   пусть упадетъ предъ вами.
Пудоез животэз дзеч возь.   Обиды намъ не дѣлайте. Ско-
тпну хорошо берегите.

Юэз нянез кучо-качо эн   На полосахъ засѣянныхъ не
кельты.   оставляйте пустыхъ мѣсть.

Нылэз шез-но дзеч возь.   Дѣтей хорошо берегите.

Азяд мед усез ини, пересъос.   Пусть упадетъ предъ вами,
старики, (предлагаемая пища).

Прочіе члены семьи въ это время сидятъ за столомъ и ужинаютъ. Одна лишь собака внимательно слѣдитъ за обрядомъ поминовенія и дожидается, скоро-ли и до нея дойдетъ очередь поминать стариковъ. Дѣйствительно, вотяки на этотъ разъ даже скликають съ улицы собаку, если ея нѣтъ въ избѣ, чтобы она подобрала крошенное въ корыто. Какъ съ этимъ фактомъ мирится представленіе вотяковъ, что они своими поминовеніями кормятъ умершихъ, положительно непостижимо.

Такъ какъ, по понятіямъ вотяковъ, люди послѣ смерти живутъ въ общемъ такъ-же, какъ и до нея, то они стараются наложить въ гробъ всякой всячины, чтобы покойникъ не нуждался въ загробномъ мірѣ ни въ чемъ и не безпокоилъ живыхъ. Самого его наряжаютъ въ теплую одежду и въ шапку, кромѣ того богатые кладутъ въ гробъ еще перемѣну бѣлья и верхней одежды, кочетыкъ—лапти плести, трубку съ табакомъ; бабамъ кладутъ серебро, которое они носили на груди и на головѣ; дѣвушкамъ умершимъ—много всякой одежды, такъ какъ умершіе холостыми на томъ свѣ-

---

¹⁾ При этомъ умершіе поминаются по именамъ.

тѣ скорѣе посватаются за тѣхъ, кто захватилъ съ собою приданого. Ребятамъ въ ротъ кладутъ меду или масла.

Иные, при выносѣ покойника изъ дома, снимаютъ съ крюковъ дверь и прилаживаютъ ее такъ, чтобы она отворялась не въ ту сторону, какъ прежде. На дворѣ гробъ ставятъ на обрубокъ и нѣсколько разъ повертываютъ его на немъ. Все это дѣлаютъ для того, чтобы покойникъ не могъ ориентироваться на новосельи и найти дорогу въ старое жилище. Когда вынесутъ покойника изъ дома, въ порогъ втыкаютъ топоръ: такъ бы пусть и смертность пресѣклась въ этомъ домѣ. На кладбищѣ прежде всего бросаютъ въ могилу мелкую мѣдную монету, какъ плату землѣ (*муззем дун*) за мѣсто, занимаемое гробомъ. Засыпая гробъ въ могилѣ, приговариваютъ:

Ым ныр вылад усем сюез
зарни по азвесь мед луоз.
Бер кылем семьядэ дзеч возь,
секут эн кар.

Земля, упавшая на ротъ и
носъ тебѣ, золотомъ и сереб-
ромъ была бы для тебя. Остав-
шуюся семью хорошенько бе-
реги, тяжело не дѣлай ей.

Аракыдэ удалтытэ, сурдэ
удалтытэ.

Урожаю дай на кумынку
и пиво тебѣ.

На могилу бросаютъ яиць и колобокъ и затѣмъ возвращаются домой, гдѣ и пируютъ съ родственниками, поминаючи покойника. Поминаютъ его еще въ третью, седьмую, сороковую и годовую ночь (непремѣнно ночью). При этихъ поминованияхъ кормятъ не только поминаемаго покойника, а и другихъ умершихъ, которые могутъ придти въ гости къ нему. Последнимъ бросаютъ въ окно колобокъ и просятъ удовольствоваться имъ и не отнимать угощенія у того покойника, для котораго устроены поминки.

Если померъ кто-нибудь изъ взрослыхъ, зимой (иногда чрезъ нѣсколько годовъ послѣ смерти) для него устраиваютъ такъ называемый *ыыр ныд сѣтон* (предложеніе головы и

ногъ) или *йыр пид сюан* (свадебное пиршество, по поводу предложенья покойнику—голова и ногъ). Обрядъ этотъ состоитъ въ томъ, что рѣжутъ лошадей или корову и ипрують со всѣми родственниками, поминая покойника. Мальчишки въ это время поють свадебныя пѣсни; ночью запрягаютъ лошадей съ колокольцами и бубенчиками и везутъ въ лукошкѣ ободранныя ноги и голову зарѣзанной скотины въ какое-нибудь опредѣленное мѣсто, гдѣ и выбрасываютъ все это. Менѣе состоятельные вотяки для этого обряда покупаютъ на базарѣ только голову и ноги, а бѣдные и совсѣмъ не исполняютъ *йыр пид сюан'а*, хотя отъ него «старикъ тамъ больно весела живетъ».

Если съ вотякомъ случится какое-нибудь несчастіе въ дорогѣ—захвораетъ лошадь, сломается колесо и т. п., онъ сейчасъ догадывается, что это «старикъ поймалъ его» и тутъ же устраиваетъ импровизированныя поминки.

Всѣ вотяки поминуютъ стариковъ по домамъ предъ Пасхой и Покровомъ. Кромѣ того, въ концѣ августа, гдѣ-нибудь въ лесу поминуютъ ихъ цѣлымъ обществомъ. На послѣднія поминки (*чэкаськон* или *уллань сіиськон*), устраиваемыя обыкновенно въ ненастный день, когда нельзя работать на полѣ, ходятъ только домохозяева; рѣжутъ корову или лошадь (а въ небольшихъ деревняхъ—овечку), часть ея тутъ же крошатъ покойникамъ, а остальное дѣлятъ поровну и ѣдятъ съ семейными.

Заключивъ свои очерки о религіозныхъ представленіяхъ вотяковъ и объ обрядахъ, служащихъ выраженіемъ этихъ представленій, считаемъ нужнымъ присовокупить слѣдующее замѣчаніе. Елабужскіе некрещеные вотяки, находясь среди многочисленнаго христіанскаго населенія, въ значительной степени утратили полноту и цѣлостность своихъ языческихъ вѣ-

рованных. Иные ихъ обряды потеряли свой внутренней смыслъ, напр. рѣдкій изъ вотяковъ скажетъ что-нибудь опредѣленное о богѣ Ахташѣ, хотя все приносятъ ему жертвы. Другіе языческіе обряды вотяки уподобляютъ христіанскимъ, напр. свои поминовенія—священнодѣйствіямъ надъ просфорами во время проскомидіи и т. п. Нѣкоторые, наконецъ, обряды совершенно забываются, напр. вышеописанные обряды при выносѣ покойника изъ дома многимъ вотягамъ неизвѣстны. Очевидно, язычество въ нашихъ краяхъ на пути къ своему упадку, если не въ количественномъ, то въ качественномъ отношеніи. Весьма желательно, чтобы скорѣе пришло то время, когда наши очерки, если и будутъ имѣть какое-нибудь значеніе, то развѣ для однихъ только археологовъ и историковъ.

Священникъ *Михаилъ Елабужскій.*
